

Библиотечное дѣло, какъ особая самостоятельная спеціальность и библіотекари, какъ обособленная группа въ ряду другихъ специалистовъ.

Докладъ бібліотекаря Имп. Военно-Медицинской Академіи А. Р. Войничъ-Сяноженцаго. (Прочитанъ въ 1-мъ публичномъ собраніи 1-го іюня 1911 года).

Говорить о томъ, что бібліотечное дѣло есть особая самостоятельная спеціальность, говорить объ этомъ въ Западной Европѣ—это значило бы повторять болѣе чѣмъ азбучныя истины, ломиться въ открытую дверь, касаться такихъ положеній, которыя давнымъ давно проникли во всеобщее сознаніе, безповоротнo рѣшены въ самомъ положительномъ смыслѣ и сданы въ архивъ. Это значило бы впадать въ донкихотство и брать на себя совершенно неподходящую роль.

Совсѣмъ иное дѣло у насъ на Руси. Идея о бібліотекостроеніи, какъ отдѣльной спеціальности, не только не проникла въ сознаніе широкихъ массъ, но она не встрѣчаетъ даже полнаго сочувствія среди такихъ лицъ, которые такъ или иначе тѣмъ или другимъ путемъ руководятъ постановкой бібліотечнаго дѣла—будутъ ли это земскіе дѣятели, члены ученыхъ или профессиональных корпорацій и даже иногда *sit venia verbo* сами бібліотекари.

Въ этомъ легко убѣждаешься, знакомясь съ соотвѣтствующей русской литературой; съ грустью приходишь къ этому заключенію, выслушивая мнѣнія, высказываемыя даже очень почтенными людьми; объ этомъ, наконецъ, безмолвно свидѣлствуетъ состояніе нашихъ бібліотекъ.

Чаше всего бібліотечное дѣло отождествляютъ у насъ съ бібліографіей, съ той ея частью, предметомъ которой является регистрація книжныхъ поступленій, причемъ совершенно забываютъ о томъ, что бібліотечное дѣло имѣетъ свои собственныя задачи, свои самостоятельные методы для ихъ выполненія, что оно располагаетъ цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ техническихъ приѣмовъ, довольно многочисленныхъ, то болѣе простыхъ, то болѣе сложныхъ, взаимно

переплетающихся и дополняющих другъ друга, но строго объединенныхъ одной общей руководящей идеей, неизмѣнно и постоянно направленныхъ къ достиженію своей конечной цѣли—дать возможность читателю съ удобствомъ и наиболѣе цѣлесообразно пользоваться книжными богатствами.

Каковы эти своеобразные приемы и насколько они оригинальны—каждый можетъ убѣдиться изъ осмотра нашей выставки.

Библіотека не есть только книгохранилище, безжизненный книжный складъ,—она представляетъ собраніе одухотворенныхъ книжныхъ поступленій, расположенныхъ въ стройной системѣ по тому или другому принятому плану.

Каковы эти системы и насколько успѣшно достигается каждой изъ нихъ наиболѣе цѣлесообразное пользованіе книгой—по этому поводу существуетъ весьма обширная литература, причемъ многіе вопросы до сего времени не получили еще опредѣленнаго рѣшенія, и даже по такимъ основнымъ техническимъ вопросамъ, какъ нумерація и разстановка книгъ,—далеко еще не закончены споры между корифеями библиотечнаго дѣла. Очевидно, что оно переживаетъ ту же участь, какъ и всѣ другія прикладныя знанія, постоянно развивается и совершенствуется, приспособляясь къ поступательному движенію науки и стремясь создать удобныя формы для удовлетворенія неудержимо возрастающихъ требованій читателей.

Высказываемыя мною мысли и соображенія могутъ показаться слишкомъ общезвѣстными и элементарными для профессиональных библиотечарей, но въ публичныхъ засѣданіяхъ вполне умѣстно говорить объ этомъ, говорить настойчиво и повторно съ цѣлью создать въ общественномъ мнѣніи правильный взглядъ на библиотечное дѣло и твердо памятуя о томъ, что безъ подготовки общественного мнѣнія ни одна реформа не можетъ быть прочна и устойчива, не можетъ быть съ успѣхомъ проведена въ жизнь.

До чего неправильно и какъ мало подготовлено у насъ общественное мнѣніе по вышеперечисленнымъ вопросамъ—въ этомъ легко убѣдиться—стоитъ только ознакомиться съ протоколами земскихъ собраній, постановленіями училищныхъ совѣтовъ и библиотечныхъ комиссій, съ Учеными Записками Университетовъ и Университетскими Извѣстіями, съ тѣми именно страницами названныхъ изданій, на которыхъ излагается обменъ мнѣній между представителями соответствующихъ учреждений по возникающимъ библиотечнымъ вопросамъ, особенно же по поводу замѣщенія вакантныхъ библиотечныхъ должностей.

Усидчивость, аккуратность и любовь къ дѣлу—вотъ тѣ излюбленныя требованія, которыя предъявляются къ выступающимъ кандидатамъ и съ точки зрѣнія которыхъ соответствующія учрежденія обсуждаютъ степень пригодности каждаго изъ кандидатовъ. Если же дѣло касается академическихъ, государственныхъ или большихъ общественныхъ библиотекъ, то требуется еще знаніе иностранныхъ языковъ. Что же касается до знакомства съ библиотечною специальностью, то по большей части объ этомъ не упоминается ни слова, такъ какъ, повидимому, предполагается, что всякій способный и хорошій человѣкъ можетъ быть не менѣе хорошимъ библиотечаремъ, стоитъ только этого захотѣть.

Развѣ усидчивость, аккуратность и любовь къ дѣлу не нужны

для каждого ремесленника, администратора и ученаго. Эти требованія, очевидно, слишкомъ общаго свойства и ничего, въ сущности, они не даютъ для сужденія о степени подготовленности лица къ библиотечной работѣ.

Какъ ни важно для библиотекаря знаніе иностранныхъ языковъ, но оно является второстепеннымъ условіемъ по сравненію со знаніемъ своей специальности, а объ этомъ умалчиваютъ, этого не хотятъ понять, примѣняя для оцѣнки библиотечной работы совсѣмъ другой масштабъ, чѣмъ по отношенію ко всѣмъ другимъ разновидностямъ интеллигентнаго труда.

При выборѣ библиотекерей академическихъ библиотекъ обыкновенно требуется высшее образованіе, но какое высшее?—филологическое, юридическое, медицинское, техническое и проч., но только не библиотечное образованіе и подготовка. Нельзя, конечно, отрицать цѣлесообразности ставить во главѣ специальной библиотеки лицо соотвѣтствующей специальности, такъ какъ ему легче будетъ справиться съ систематизаціей поступающихъ книгъ, легче разобратся въ требованіяхъ и запросахъ читателей, обслуживаемыхъ данной библиотекой, но совершенно непозволительно умалчивать и упускать изъ виду основнаго требованія отъ каждого библиотекаря, и это замалчиваніе указываетъ только на то, что идея о библиотечной специальности, какъ таковой, слишкомъ еще чужда намъ и что до поры—до времени мы совершенно безсильны кореннымъ образомъ реформировать наши библиотеки.

Въ дополненіе къ этому можно привести еще цѣлый рядъ фактовъ и наблюденій надъ условіями дѣятельности библиотекаря. Чѣмъ, напр., объяснить тотъ фактъ, что библиотекерей почти никогда не приглашаютъ въ засѣданія хозяйственныхъ комитетовъ для участія въ обсужденіи вопросовъ, касающихся библиотеки, для заключенія договоровъ на подряды и поставки предметовъ оборудованія библиотекъ и даже, иногда, вопреки существующимъ на этотъ счетъ инструкціямъ?

Чѣмъ объяснить, что какъ городскія и земскія общественныя учрежденія, такъ и постоянныя существующія при академическихъ библиотекахъ комиссіи нерѣдко считаютъ излишнимъ присутствіе библиотекаря при обсужденіи даже чисто техническихъ вопросовъ, во всякомъ случаѣ рѣдко считаются съ высказываемыми имъ мнѣніями и не обращаютъ никакого вниманія на его протесты? Полагаю, что эти явленія нельзя свести на какія-либо личные счеты или оскорбленное самолюбіе, скорѣе всего это происходитъ въ силу искренняго и глубокаго убѣжденія вышеназванныхъ органовъ въ полной ихъ способности самимъ разобратся въ вопросахъ библиотечнаго свойства, вполне доступныхъ, по ихъ мнѣнію, пониманію каждаго здравомыслящаго человѣка и не имѣющихъ характера вопросовъ специальныхъ.

Обыкновенно считаютъ, что нѣтъ особой нужды вызывать библиотекаря для обсужденія вопроса объ изготовленіи библиотечной мебели, библиотечныхъ шкафовъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ легко можетъ разобратся всякій человѣкъ, имѣющій книги, и всякій опытный столяръ. Результаты такой прискорбной постановки дѣла налицо:—большинство нашихъ библиотекъ награждены книжными шкафами, построенными по типу платяныхъ, съ преобладаніемъ глубины, до-

пускающей разстановку книгъ въ нѣсколько послѣдовательныхъ шеренгъ, и удивительно, что сооруженіе подобныхъ шкафовъ продолжается даже въ самое послѣднее время, и ими украшены нѣкоторыя изъ нашихъ новѣйшихъ библиотекъ.

Чѣмъ инымъ, какъ только отрицаніемъ необходимости специализации въ библиотечномъ дѣлѣ объясняется тотъ фактъ, что земскія и городскія управленія, располагающія цѣлой сѣтью школъ различного типа, профессионально-ремесленныхъ, школъ грамотности, садоводства, земледѣлія и цѣлой сѣтью городскихъ и земскихъ библиотекъ-читаленъ, — до сего времени не подумали о профессиональной подготовкѣ библиотекарей, если не путемъ школьнаго обученія, то, по крайней мѣрѣ, путемъ организаціи лѣтнихъ подготовительныхъ курсовъ библиотечковѣдѣнія, а также командировокъ для осмотра наилучше устроенныхъ библиотекъ.

По той же, очевидно, причинѣ ни одно изъ министерствъ и ни одна изъ 3-хъ Государственныхъ Думъ не возбудили вопроса объ устройствѣ у насъ школъ библиотечковѣдѣнія, и по той же причинѣ объ этомъ умалчиваютъ даже лучшіе наши общественные дѣятели, положившіе душу свою на дѣло народнаго образованія. Станнымъ диссонансомъ звучать среди этого хора одинокіе голоса разумныхъ требованій.

Всякія улучшенія въ постановкѣ библиотечной техники не пользуются сочувствіемъ по тѣмъ же причинамъ, и получить ассигновку на этотъ предметъ бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ на пополненіе библиотеки книгами.

Заграничныя командировки для изученія библиотечнаго дѣла не поощряются, считаются излишней роскошью и даются лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Увеличенія библиотечнаго персонала, если удастся иногда добиться, то преимущественно однихъ лишь низшихъ служащихъ. Это происходитъ не только по недостатку средствъ, а отчасти потому, что трудъ библиотекаря считаютъ преимущественно механическимъ и предполагаютъ, что можно обходиться подростками и полуграмотными людьми.

Конечно, нельзя всю вину сваливать на другихъ, намъ самимъ слѣдуетъ взглянуть на себя и подумать, дѣйствительно ли такъ ужъ прочно между нами самими установился взглядъ на необходимость специальной подготовки для занятія библиотечныхъ должностей.

Къ сожалѣнію, мы нерѣдко сами поступаемъ этимъ взглядомъ, особенно при назначеніи себѣ сотрудниковъ, недостаточно стойко и послѣдовательно отстаиваемъ мысль о необходимости специальной подготовки и тѣмъ невольнo потворствуемъ фаворитизму, который нигдѣ такъ явно и безцеремонно не проявляется, нигдѣ не свилъ себѣ столь прочнаго гнѣзда, какъ при назначеніи на неспеціальныя и въ частности на библиотечныя должности.

Обыкновенно въ утѣшеніе и успокоеніе при этомъ говорятъ, что библиотечное дѣло не такъ ужъ сложно, чтобы ему нельзя было научиться въ короткое время и что будто бы не происходитъ замѣтнаго ущерба дѣлу отъ назначенія неслѣдующаго лица.

Нѣтъ вреднѣй этого предразсудка, противъ него слѣдуетъ протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ и бороться всѣми силами. На самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе вреда, какъ наносимый неопытны-

ми библиотекарями. Этот вред особенно значителен и тяжел, потому, что он трудно контролируется и трудно поддается учету и совершенно незамѣтенъ для широкой публики.

Если исполненіе обязанностей водопроводчика поручаютъ неопытному челоуѣку, то труба даетъ течъ и затопляетъ улицу, негодующая толпа требуетъ слѣдствія и смѣны столь вреднаго служащаго. Если неопытный переплетчикъ неправильно сшиваетъ книгу, захватываетъ при обрѣзкѣ страницы текста, то читатель справедливо протестуетъ и ясно сознаетъ, что это зло можетъ быть устранено лишь путемъ подготовки и обученія переплетчика своему ремеслу.

Напротивъ, если библиотекарь по неопытности вводитъ неправильную систему регистраціи, разстановки и нумераціи книгъ, и если, благодаря этому, онъ не находитъ и отказывается въ требуемой книгѣ, то читатель рѣдко бываетъ склоненъ объяснять отказъ незнаніемъ библиотекаря своей специальности, по большей-же части онъ готовъ приписать это чисто личнымъ качествамъ библиотекаря—его неаккуратности и невниманію къ нуждамъ читателя.

Неопытность ведетъ къ тому, что книги, вслѣдствіе неправильной постановки, теряются въ предѣлахъ самой библиотеки, и сколько такихъ утерянныхъ книгъ—никому неизвѣстно, и если не ведется правильнаго индикатора выдачъ, то успокаиваютъ себя тѣмъ, что онѣ находятся въ чтеніи, безконечно въ чтеніи.

Послужить, привыкнуть, научиться самъ собой,—говорять про такого начинающаго библиотекаря, утѣшая себя и другихъ и вѣря въ чудотворную силу самообученія.

Да, мы все, къ сожалѣнію, самоучки, и библиотеки будутъ обслуживаться самоучками до тѣхъ поръ, пока не проникнетъ во всеобщее сознаніе необходимость учрежденія школъ библиотекоевѣдѣнія, мы самоучки потому, что страна, въ которой мы служимъ, проводя лучшіе годы своей жизни въ душныхъ и пыльных помѣщеніяхъ библиотекъ, не позаботилась о нашемъ обученіи, оставила насъ на произволъ судьбы, но въ то же время требуетъ отъ насъ самоотверженной, усиленной работы, требуетъ подвижничества. Со дня рожденія мы были пасынками своей страны и таковыми остаемся по сей день.

Однако, жизнь, новая жизнь назойливо стучится въ стѣны и окна стараго обветшалаго зданія, и библиотечное дѣло въ Россіи переживаетъ теперь ту же переходную стадію развитія, какую въ свое время переживали почти все другія прикладныя знанія, напр. архитектура, горное дѣло, сельское хозяйство и проч., и проч. Вѣдь за ними тоже весьма долго не признавали права на специализацію, обходились практиками-самоучками, затѣмъ стали посылать учиться за границу, начали оттуда же выписывать учителей и въ концѣ-концовъ завели собственные школы.

Будемъ вѣрить, что и наше скромное дѣло скоро выйдетъ на ту же дорогу.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію неизбежно возникающаго вопроса о томъ, каковы же на самомъ дѣлѣ *практическія* послѣдствія столь вопіющаго непониманія дѣла, непризнанія за библиотекоевѣдѣніемъ права на особую специальность. Послѣдствія эти неисчислимы, вредъ, наносимый ежедневно и ежечасно дѣлу народнаго образованія, трудно поддается опредѣленію, но не можетъ быть сомнѣнія, что онъ весьма и весьма значителенъ.

Большинство библиотек у нас поставлены такъ плохо, что онѣ действительно нуждаются въ полной реорганизаціи заново, ибо онѣ не только совершенно не въ силахъ обслуживать просвѣтительныхъ нуждъ народа, но даже удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ своихъ читателей.

Для этого у нихъ нѣтъ, ни знаній, ни физическихъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ, и въ этомъ именно состоитъ весь трагизмъ ихъ положенія. Работать не съ кѣмъ, нанять не на что.

Идея постройки новыхъ отдѣльныхъ зданій для библиотекъ у насъ совершенно не популярна, на это обыкновенно не находится средствъ, даже большія академическія библиотеки ютятся у насъ въ случайныхъ помѣщеніяхъ, неприспособленныхъ, тѣсныхъ и огнеопасныхъ. Я не говорю уже о народныхъ сельскихъ библиотекахъ, а каковы тамъ попадаютъ помѣщенія для нихъ—сошлюсь на статью Плотникова въ „Библиотечаръ“, разработавшаго данныя анкеты. Вотъ эти помѣщенія: церковная сторожка, комната въ колокольнѣ, полуразвалившееся зданіе бывшей школы и, наконецъ, арестантская комната при волостномъ правленіи.

Дальше, полагаю, некуда идти.

Обиднѣ всего то, что даже заново выстроенныя библиотечныя помѣщенія бывають преисполнены самыхъ неопозволительныхъ промаховъ скорѣе всего оттого, что проекты вырабатываются келейно, не подвергаются гласному всестороннему обсужденію и рѣдко считаются съ указаніями опытныхъ библиотечарей.

Укажу, напр., на одну извѣстную мнѣ новѣйшую постройку, гдѣ полъ библиотечнаго помѣщенія не допускаетъ большой нагрузки посреди залы, а только у стѣнъ, такъ какъ архитекторъ, а также и библиотечаръ (кстати сказать, совершенно случайный человѣкъ) предполагали, что книжные шкафы позволительно ставить только у стѣнъ.

Вообще говоря, помѣщенія большинства нашихъ библиотекъ использованы плохо, неумѣло, безъ опыта, безъ системы, особенно въ направленіи высоты зданія.

Что же сказать о пополненіи библиотекъ книгами?—За исключеніемъ немногихъ привилегированныхъ библиотекъ, оно носитъ совершенно случайный характеръ, и въ нужную минуту обычно не бываетъ денежныхъ средствъ.

Большія частныя, даже хорошо подобранныя библиотеки рѣдко находятъ оптовыхъ покупателей, постепенно обезцѣниваются, разщепляются и продаются въ разбродъ по частямъ.

Старательно на протяженіи 30-ти лѣтъ подобранная извѣстнымъ сибирскимъ Красноярскимъ любителемъ книгъ Юдинымъ библиотека въ 80.000 томовъ не нашла себѣ цѣнителей въ нашемъ отечествѣ, когда онъ задумалъ ее продать. Она была куплена по постановленію Конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и служить украшеніемъ русскаго отдѣла библиотеки Конгресса въ Вашингтонѣ.

Это еще счастье, большое счастье, что она попала въ хорошія, надежныя руки.

Обставлены у насъ библиотеки неумѣло и плохо, часто нищенски, иногда же, напротивъ, съ совершенно неопозволительной роскошью—орѣховые и даже краснаго дерева шкафы, массивные дорогіе столы,—но все это сдѣлано безъ толку, непрактично, столы высоки, шкафы глубоки, а иногда съ огромными односторонними дверцами.

Обстановка, само собой, требуетъ большихъ расходовъ, и недостатокъ средствъ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ причинъ нашего библиотечнаго убожества, но нельзя все сваливать на денежные ресурсы.

На хорошее и полезное дѣло, или по крайней мѣрѣ кажущееся таковымъ, всегда находятся средства какъ у правительственныхъ, такъ и у общественныхъ учреждений. Вѣдь находятся же средства на обмундированіе потѣшныхъ, вѣдь находятъ же средства нѣкоторые провинціальныя городскія управы на командировку своихъ потѣшныхъ въ Петербургъ! а почему? потому что это предпріятіе считаютъ весьма нужнымъ и полезнымъ для даннаго момента.

Хранить книги въ цѣлости мы не умѣемъ. Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого числа зачитываемыхъ ежегодно книгъ, какъ въ Россіи. О дублетахъ лучше не говорить, они либо не выдѣлены, либо находятся въ первобытно-хаотическомъ состояніи.

Если отъ оцѣнки вѣншихъ формъ перейти теперь къ болѣе существенному, къ внутреннему строю, къ организаціи библиотечнаго дѣлопроизводства, то увидимъ еще болѣе безотрадную картину. Какъ у насъ организована регистрація книжныхъ поступленій, переплетное дѣло, каталогизація книгъ, индикаторы читателей и книгъ, находящихся въ чтеніи, надзоръ за срочностью возврата, какова разстановка, допускаетъ ли нумерація книгъ легкой переводъ ихъ въ другое помѣщеніе, какъ слѣдятъ за продажающимися изданіями, за дефектами, за пополненіемъ утерянныхъ книгъ — на всѣ эти вопросы я и не съумѣю отвѣтить и не отвѣчу умышленно, не желая предвосхищать положеній доклада г. Добржиченскаго, который отвѣтитъ Вамъ завтра на эти вопросы данными, полученными изъ анкеты.

Если углубиться, наконецъ, еще болѣе, въ самую такъ сказать сердцевину техническихъ вопросовъ библиотечно-библиографическаго свойства и посмотреть, какъ они рѣшаются, не говоря уже о народныхъ, въ нашихъ академическихъ библиотекахъ, то съ грустью придется констатировать, что разрѣшеніе ихъ совершенно произвольно, зависитъ отъ доброй воли и усмотрѣнія бібліотекаря, а о возможности и существованіи многихъ изъ нижеозначенныхъ вопросовъ быть можетъ нѣкоторые даже не подозреваютъ вовсе. Таковыхъ вопросовъ немало, укажу на нѣкоторые изъ нихъ. Какъ различать форматы книгъ, каковы правила составленія библиотечныхъ карточекъ, ихъ размѣръ, число, разстановка и способъ укрѣпленія. Запись на карточки сборниковъ и приложеній къ книгамъ, двойныхъ заглавій, двойственныхъ заглавій, гдѣ содержаніе заглавнаго листа книги не согласовано съ ея обложкой, запись перемѣнныхъ заглавій, особенно частыхъ въ изданіяхъ нашихъ земствъ, запись, наконецъ, сочиненій, представляющихъ коллективный трудъ многихъ авторовъ. Какъ составлять и располагать карточки анонимныхъ сочиненій, снабженныхъ псевдонимами или анаграммой, какъ поступать съ метонимами, и съ заглавіями, напечатанными съ грамматическими ошибками. Какъ писать карточки старопечатныхъ книгъ и рукописей, заглавій, набранныхъ готическими буквами, кириллицей и глаголицей, латинскимъ и восточнымъ шрифтомъ. Какъ считаться съ эпитафами, съ двойными и сложными фамиліями, съ фамиліями сокращенными и предшествующими иногда имъ частицами.

Какое слово считать основнымъ и второстепеннымъ при алфавитной разстановкѣ анонимныхъ изданій. Какъ составлять систематическіе, предметные и перекрестные каталоги.

Какъ регистрировать и коллекционировать указатели и составлять ихъ обзоры (библіографія бібліографіи).

По весьма многимъ изъ перечисленныхъ вопросовъ между бібліографами существуетъ международное соглашеніе, между русскими бібліотекарями—пока преобладаетъ личное усмотрѣніе, а соглашенія можно ожидать лишь тогда, когда общественное мнѣніе признастъ, наконецъ, что наше дѣло есть дѣло специальное, носящее въ себѣ всѣ элементы, характеризующіе прикладное знаніе, прикладную науку.

Какъ мы далеки еще отъ подобнаго сознанія—это видно не столько изъ нищенски скуднаго вознагражденія, совсѣмъ не подходящаго для спеціального труда, сколько изъ отношенія къ намъ различныхъ общественныхъ группъ, начиная съ земства и кончая учеными корпораціями, отношенія—то терпѣливо-снисходительнаго, то надменнаго, то милостиво-покровительственнаго.

Съ точки зрѣнія этихъ общественныхъ отношеній мы находимся въ совершенно томъ же положеніи, въ какомъ находились литераторы эпохи Третьяковского, и если не принуждены писать виршей по заказу высокопоставленныхъ лицъ, то бываемъ часто вынуждены обслуживать неумѣренные требованія нѣкоторыхъ читателей, незнакомыхъ съ бібліотечною техникой, ея трудностями и условностями и поэтому особенно расположенныхъ смотрѣть свысока на скромныхъ тружениковъ.

Отъ насъ часто требуютъ не только работы, а прямо-таки подвижничества, а какъ оплачиваютъ его, какъ цѣнить, какъ увѣковѣчиваютъ память умершаго въ трудахъ подвижника—объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные факты, и объ одномъ изъ нихъ я не могу удержаться, чтобы не упомянуть. Я хочу напомнить Вамъ объ одномъ скромномъ беззавѣтномъ труженикѣ, покойномъ бібліотекарѣ читальни Румянцевскаго Музея въ Москвѣ Николаѣ Федоровичѣ Федоровѣ, біографія котораго напечатана въ 1-й книжкѣ „Бібліотекаря“ за текущій годъ и о которомъ Л. Н. Толстой писалъ: „Есть и здѣсь въ Москвѣ люди, и мнѣ далъ Богъ сойтись съ ними“ и далѣе, въ своей записной книжкѣ—„Ник. Фед. святой. Каморка. Исполнять?—это само собою разумѣется. Не хочеть жалованья. Нѣтъ бѣлья. Нѣтъ постели“.

Да—это былъ истинный подвижникъ, носитель самыхъ высокихъ идеаловъ безкорыстнаго служенія человечеству, и что же? Когда онъ умеръ—имя его было забыто, могила заросла и обвалилась, крестъ обветшалъ, и даже не проторили тропинки къ ней тѣ многочисленные его читатели—ученики, которыхъ у него было не мало за 35 лѣтъ службы и которымъ онъ такъ любовно и такъ беззавѣтно служилъ.

Не лучшая участь ждетъ и насъ, нашъ трудъ никто не цѣнитъ, потому что никто его не понимаетъ.

Перехожу, наконецъ, къ послѣднему тезису своего доклада. Онъ вытекаетъ логически изъ всего предыдущаго.

Если бібліотечное дѣло есть дѣйствительно особая самостоятельная специальность, то само собой, что имѣется полное основаніе для обособленія тружениковъ этого дѣла въ отдѣльную группу,

выполнѣ аналогичную по группировкѣ съ представителями другихъ специальностей, чисто профессиональную, но отнюдь не имѣющую кастового характера.

Принципиальное признаніе или, лучше сказать, сознаніе за собою права на обособленіе, хотя не всегда и не обязательно, но обыкновенно ведетъ къ обособленію на практикѣ, къ учрежденію специальныхъ обществъ и союзовъ. Какая же и кому отъ этого выгода? Выгода прежде всего читателю въ частности и дѣлу народнаго образованія вообще. Чтобы хорошо обслуживать читателей — необходимо развивать и совершенствовать библиотечное дѣло, а это достигается легче и совершеннѣе путемъ обмѣна мнѣній между представителями одной и той же специальности, путемъ обособленія отъ другихъ, хотя бы и родственныхъ ей. Для самихъ библиотечныхъ работников это также представляетъ выгоды, такъ какъ обмѣнъ мнѣній между людьми хорошо понимающими другъ друга всегда бываетъ болѣе производительнъ, скорѣе достигаетъ цѣли; наконецъ, матеріальныя нужды удовлетворяются легче и вѣрнѣ сплоченными группами, чѣмъ отдѣльными лицами, возникаетъ возможность взаимопомощи. Это давнымъ давно понято въ Западной Европѣ и Америкѣ, и цѣлая сѣть союзовъ и библиотечныхъ обществъ покрываетъ эти страны; у насъ же это сознаніе зародилось только недавно, только теперь. Какія же цѣли преслѣдуютъ эти общества и союзы, къ выполненію какихъ именно задачъ направлены ихъ усилія?

Эти цѣли и задачи чисто просвѣтительнаго свойства — вносить свѣтъ, бороться со тьмою. Вотъ девизъ, избранный союзомъ американскихъ библиотечныхъ работников: „Наилучшее чтеніе, для наибольшаго числа лицъ, при наименьшихъ съ ихъ стороны затратахъ“.

Полагаю, что къ этому прибавить нечего, и что теперь даже въ нашемъ отечествѣ уже поздно и напрасно тратить слова, доказывая цѣлесообразность того, что уже свершилось.

Дѣло сдѣлано. Съѣздъ созванъ. Доброе сѣмя брошено въ землю. Оно взойдетъ. Оно не можетъ не взойти, потому что почва подготовлялась давно, старательно и исподоволь и созрѣла теперь вполне, оно не можетъ не взойти потому, что стремленіе къ свѣту, къ приобрѣтенію познаній неудержимо возрастаетъ повсюду, во всѣхъ даже самыхъ отдаленныхъ и захолустныхъ углахъ нашего отечества, и здоровые ростки не могутъ не пробиться наружу; — нѣтъ препятствій, которые были бы въ силахъ задержать ихъ надолго въ землѣ.

Библиотечное дѣло, являющееся краеугольнымъ камнемъ народнаго образованія, слугою развитія научныхъ знаній и могучимъ условіемъ для ихъ разработки, — не можетъ не развиваться. Особенно цѣнно и дорого его развитіе у насъ, — въ странѣ, столь бѣдно снабженной школами, и гдѣ вышешкольное образованіе, краеугольнымъ камнемъ котораго служатъ библиотеки, по необходимости является и долго еще будетъ являться однимъ изъ главныхъ опорныхъ пунктовъ и двигателей образованія народа.

Возмемся же дружно за реформу столь полезнаго и дорогаго намъ дѣла, забудемъ о раздѣляющей, быть можетъ, насъ розни политическаго и національнаго свойства.

Какихъ бы общественныхъ идеаловъ ни держался человѣкъ, но тотъ, кто не преслѣдуетъ никакихъ личныхъ цѣлей — не можетъ быть

врагомъ народнаго образованія, а слѣдовательно и реформы библиотечнаго дѣла.

Итакъ, примемся дружно за работу, и пусть твердая вѣра въ полный успѣхъ одухотворить насъ и будетъ лучшимъ путеводнымъ свѣточемъ на нашемъ тернистомъ пути.

О Павленковскихъ библиотекахъ.

Докладъ В. И. Яковенко. (Прочитанъ на 2-мъ публичномъ собраніи 7 іюня 1911 года).

Милостивые государи и милостивыя государыни! Въ 1900 г. умеръ извѣстный книгоиздатель Ф. Θ. Павленковъ; онъ оставилъ духовное завѣщаніе, по которому назначенные имъ душеприказчики должны были открыть 2.000 бесплатныхъ народныхъ библиотекъ, и на каждую такую библиотеку назначено было по 50 руб. Кроме того, въ завѣщаніи были указаны еще выдачи Литературному Фонду—35 тыс. и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ меньшія суммы. Какое же имущество было оставлено имъ для исполненія этого завѣщанія? Земельное имущество, дома, или какое-нибудь другое недвижимое имущество, капиталы? Нѣтъ, оно состояло изъ книгъ. Когда душеприказчики ознакомились съ довѣреннымъ имъ имуществомъ, то оказалось, что на текущемъ счету было 16 тыс., долгу по векселямъ и счетамъ 50 тыс. и книгъ по номинальной стоимости на 800 тыс. слишкомъ. Душеприказчикамъ предстояло рѣшить: или продать всю наличность книгъ и на вырученные деньги выполнить завѣщательныя требованія, или же продолжать издательство, и изъ постепенно накапливающихся доходовъ исполнить волю завѣщателя. Въ первомъ случаѣ можно было выручить приблизительно около 150 тыс. Во второмъ—предугадать конечно было невозможно,—но по всѣмъ видимостямъ можно было рассчитывать на выручку гораздо большей суммы. Душеприказчики пошли по второму пути. И вотъ, въ настоящее время, завѣщательныя требованія всѣ исполнены, 2.000 библиотекъ открыты, душеприказчики накопили капиталъ на текущемъ счету въ 200 тыс. руб., и номинальная стоимость книжнаго имущества равняется приблизительно 800-мъ тыс. руб. Въ виду такого положенія вещей, душеприказчики приступили въ 1910 г. къ пополненію открытыхъ ими 2.000 бесплатныхъ народныхъ библиотекъ, ассигновавъ на каждую по 100 руб. деньгами, на которыя приобрѣтаются книги разныхъ издателей, и на 50 р. книгами изданія Павленкова.

Къ постепенному открытію библиотекъ было приступлено въ 1900 году. Душеприказчики рѣшили дѣйствовать главнымъ образомъ черезъ посредство уѣздныхъ земствъ. Они поняли, что на 50 руб., назначенныхъ завѣщаніемъ, нельзя открыть библиотеки, и что, при посредствѣ этого дара, они должны собственно возбуждать повсюду на мѣстахъ инициативу въ устройствѣ народныхъ библиотекъ. Поэтому, они поставили въ условіе, чтобы учрежденія или лица, жела-